

4. *Bouly de Lesdain L. Études héraldiques sur le XIIe siècle / L. Bouly de Lesdain // Annuaire du Conseil héraldique de France. – Paris: Conseil héraldique de France, 1907. – P. 185–244.*

5. *Chase G.H. The Shield Devices of the Greeks / G.H. Chase // Harvard Studies in Classical Philology – 1902. – Vol. 13.– P. 61–127.*

6. *Menestrier C.–F. Le veritable art du blason et l'origine des armoiries / C.–F Menestrier – Paris, 1680. –*

7. *Wandhoff H. The Shield as a Poetic Screen: Early Blazon and the Visualization of Medieval German Literature / H. Wandhoff // Visual Culture and the German Middle Ages. – New York: Palgrave, 2005. – P. 53–71.*

А. Ю. САРКИСОВА

кандидат филологических наук, доцент

Томский государственный педагогический университет,

Россия, Томск

anju@sibmail.com

**ФИЛОСОФИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЧЕСКОГО
ФОНДА РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. Статья посвящена некоторым философским аспектам визуального восприятия, представленным в языковом сознании носителей русского языка. Объектом исследования становятся паремические единицы, актуализирующие проблемы познания мира, соотношения видимого и сущего, этики и аксиологии визуального. Выступая накопителем информации о закономерностях визуального восприятия действительности, язык объективирует национальные представления о роли зрительных перцепций в быте и духовной жизни народа.

Ключевые слова: визуальное восприятие, языковое сознание, паремия, паремический фонд, познание мира, этика визуального, философия визуального.

Визуальное восприятие с древнейших времён является ключевым механизмом познания и осмысления мира. Сложный, многоуровневый характер визуальных процессов предполагает не только рецепцию объективной реальности, но и её преломление в сознании, своего рода ментальную интерпретацию. Когнитивные закономерности визуального восприятия оказываются неразрывно связаны с этико-эстетическими и аксиологическими. Исследователи

сегодня говорят о «переосмыслении той роли, которую играет визуальное восприятие в процессах формирования сложных структур смысла, с одной стороны, опирающихся на онтологические очевидности, данные в измерении повседневного опыта, а с другой – ориентирующихся на герменевтические процедуры конструирования и актуализации смысла» [4, с. 48].

Язык в известной степени обеспечивает выход к сознанию как индивида, так и народа в целом: в языке эксплицируются и объективируются концепты, философские представления, национальные нормы и ценности. При всех безусловных оговорках о том, что язык способен лишь приближаться к адекватному отражению сознания, «более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо, нет» [2, с. 39].

В настоящей работе исследуются некоторые философские проблемы визуального восприятия, объективированные посредством языка, а именно вербализованные в исконных русских поговорках.

Паремические единицы представляют богатый материал для изучения национального языкового менталитета и философии русской жизни, так как поговорки и пословицы являются ярчайшим примером коллективного языкового сознания и при этом актуализируют мировоззренческий, этический и ценностный пласты национальной культуры. Паремии реализуют как трансляционную, семиотическую функции культуры, так и коммуникативную, когнитивную, этнообразующую, кумулятивную и прагматическую функции языка [см. подробнее: 3]. Взгляд на роль визуального восприятия, зафиксированный в русских поговорках, представляет интерес как в целях более полного освещения проблемы познания и осмысления мира посредством зрительного канала, так и для изучения мировосприятия этноязыковой общности на определённом этапе её развития.

Значение визуального восприятия в сознании русского народа, вербализованное в исконных поговорках и пословицах, приобретает амбивалентный характер. С одной стороны, народная мудрость утверждает его приоритет по сравнению с другими анализаторами: человеку предписывается верить прежде всего увиденному, и это органично свойственно человеческой природе («Не верь брату родному, а верь своему глазу кривому», «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», «Глаза ушей вернее», «Уши обманывают, глаза правдивы», «Вместо того, чтобы рот раскрывать, раскрой глаза», «Уйди с глаз, а сердце забудет», «Имей глаз на затылке», «Свой глаз зорок, не надо и сорок», «Как глаз береги»). Роль зрительных ощущений в познании мира и мировосприятии оказывается доминирующей. Симптоматично, что в самом понятии «картина мира», одним из ключевых в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в целом, присутствует «визуальная» сема. По замечанию Ю. Н. Караулова, «в основе картины мира лежит принцип отражения» [1, с. 274]. Паремический корпус русского языка являет достаточно большое количество единиц, утверждающих возможность судить о человеке по его различ-

ного рода внешним проявлениям. Например: «Видна птица по полёту», «Честные глаза вбок не глядят», «Видать волка и в овечьей шкуре», «Видит и кривой, на ком кафтан чужой», «Видать сову по полёту, а добра молодца по кудрям», «Взор орлиный и взлёт соколиный».

С другой стороны, народные суждения фиксируют неабсолютность зрительных возможностей, жизнь оказывается сложнее видимости («От глаз мало пользы, если ум слеп», «Око видит далеко, а думка – ещё дальше», «Глаза без души слепы, уши без сердца глухи», «Сердце видит раньше глаза», «Видишь мило, да идёшь мимо», «За деревьями не видеть леса», «Смотрел, да не видел, слушал, да не слышал», «Хоть и есть глаза, а горы не приметил», «И глаза обманываются»). Большое количество паремий (особенно пословиц – единиц поучительной природы) предписывает человеку быть внимательным: «Далеко глядит, а под носом не видит», «За версту блоху бьёт, а под носом медведь ревьёт», «Хороший хозяин одним глазом спит», «Лучше гляди, тогда и увидишь», «Глядеть – глядит, а видеть – ничего не видит», «Чтобы увидеть звёзды, надо открыть глаза», «Меньше жмурься – больше увидишь», «Что проглядишь, того не воротишь». Таким образом, зрительное восприятие требует усилия; его эффективность напрямую зависит от проницательности, наблюдательности, смекалки, опыта. Посредством характеристики результативной визуальной способности в паремиях эксплицируется ценностный пласт традиционных антропоцентрических воззрений.

Представляет также интерес вербализованный в паремиях эмоциональный аспект зрительной рецепции. Впечатление, полученное по зрительному каналу, способно сопровождаться максимально сильным, в том числе по сравнению с другими сенсорными системами, эмоциональным воздействием. Человеку труднее всего забыть лично увиденное, а непосредственное визуальное восприятие «здесь и сейчас» провоцирует наиболее острые переживания. Визуальное восприятие как источник эмоций отразилось в пословицах «Не идёт на ум ни еда, ни вода, когда перед глазами беда», «Видит волк козу – забыл и грозу», «Чего не вижу, о том и не брежу», «С глаз долой – из сердца вон».

Отмечается в паремиях и разница между видимым и доступным: «Видит кот молоко, да рыло коротко», «Видит собака молоко, да в кувшине глубоко», «Видит око, да зуб неймёт», «Видишь, да не вырвешь, покажу, да не возьмёшь», «С погляденья сыт не будешь».

В паремических единицах получили всестороннее отражение константы нравственного сознания, сопряжённые с визуальным восприятием. Например: «В чужом глазу соринку видит, а в своём и бревна не замечает», «У де-нег глазу нет», «Дары и мудрых ослепляют», «Погляди, коза, на свои глаза», «Одни слепы глазами, другие – сердцем», «Какими глазами ты смотришь, такими смотрят и на тебя». В данных паремиях утверждаются такие органично прижившиеся в христианской культуре этические принципы, как снисхо-

дительность и терпимость к чужим недостаткам, осуждение нечестности и корыстности, способность поставить себя на место другого, человечность и отзывчивость, способность к состраданию и любви. «Визуальная» семантика в приведённых единицах не случайна: визуальные процессы в русской культуре издревле получали этическую нагрузку. Взгляд на вещи оказывается в фокусе и познания мира, и формирования мировоззрения, и мировосприятия в целом: «Как на что взглянешь, так и видишь», «Если сердце не смотрит, то и глаза не видят».

В русском языке, в частности, имеется большое количество отсылающих к визуальным процессам паремий о зависти. Архаизм «завидеть» (то есть «увидеть издали»), за которым в языке со временем закрепились семантика «смотреть не по-доброму», «видеть искажённо», послужил основой современного глагола «завидовать». Зависть, то есть «дурной глаз», имеет «визуальную» этимологию, что получает отражение в многочисленных русских пословицах и поговорках: «Завидущие глаза не знают стыда», «Глаза завидущие, руки загребущие», «Завистливый сыт, а глаза его голодны», «Не дери глаз на чужой квас», «На чужую кучу нечего глаза пучить». Сопрягаются с ними пословицы о жадности: «Глаза шире брюха», «Глаз не накормишь», «Брюхо сыто, да глаза голодны», «Сытых глаз нет на свете». Можно констатировать, что из всех отрицательных этических качеств зависть и жадность получают наиболее частотное языковое воплощение в русских паремиях с наличием визуального семантического компонента.

Паремический корпус русского языка даёт глубокое представление о национальной аксиологии. Посредством обращения к визуальному процессу русские паремии утверждают такие ценности, как смелость («Страху в глаза гляди – не смигни, а смигнёшь – пропадёшь», «Кто смотрит в глаза смелости – тот всегда будет в целости»), жизненный опыт («Глаза, видевшие царя, не боятся сановника», «На людей глядя, и сам надоумишься»), правда («Правда глаза колет»), личная ответственность («У семи нянек дитя без глазу»), знание («Не насытитися око зрением, а человек – знанием», «Мир освещается солнцем, а человек – знанием»), честь («Лучше глаза лишиться, чем доброго имени»), труд («Глаза боятся, а руки делают», «У кого много дела впереди, тот назад не оглядывается»), любовь («У любви нет глаз», «Любовь не глядит, а всё видит»), человек («Не глаза видят, а человек, не ухо слышит, а душа»).

Визуальность оказывается очень востребованной в выражении народных представлений о действительности и национальных философских ценностей, так как способность видеть не только выступает в структуре паремии в качестве понятного, доступного сравнения, но и сама является непререкаемой ценностью.

Частотность визуальной составляющей в русских паремиях, посвящённых самым различным сторонам жизни, – свидетельство и языковое отраже-

ние первостепенной роли визуального восприятия в познании и осмыслении мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
2. *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
3. *Семеновко Н.Н.* Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремии: дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Семеновко. – Белгород, 2002. – 191 с.
4. *Шаев Ю.М.* Визуальное восприятие: между присутствием и смыслом / Ю.М. Шаев // Теория и практика общественного развития. – 2012. – Вып. 12. – С. 45–49.

Т. С. СЕРГЕЕВА

доктор искусствоведения, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Россия, Казань

serguva@mail.ru

«ЕВРАЗИЯ» ИКУРУ КУВАДЖИМЫ: ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Аннотация. В статье рассматривается на основе искусствоведческого анализа, как в фотопроекте «Евразия» И. Куваджимы проявляется японская эстетика. Автор приходит к выводу, что именно благодаря этому фотоработы И. Куваджимы приобретают свой, оригинальный стиль, который в большей степени оценен на Западе, учитывая его выставки в Европе и России. Поэтому смысловая интерпретация творчества И. Куваджимы возможна только в контексте межкультурного диалога.

Ключевые слова: фотоискусство, фотожурналистика, этнофотография, фотосери, фотокнига, японская эстетика, межкультурный диалог, Икуру Куваджима.

В XXI веке наблюдается всплеск интереса к этническим культурам: создаются документальные фильмы, организуются фольклорные фестивали, появляются сотни фотографий на этнотему в различных изданиях и на специализированных сайтах. Цель – запечатлеть те остатки архаических культур, которые сохранились до наших дней.